ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

12

ДЕКАБРЬ. 1960 DECEMBER

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.
Second-class postage paid at Jordanville, New York.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово въ недѣлю 29-ю по Пятидесятницѣ приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Родинѣ — къ празднику Рождества Христова. Стихотвореніе Елизаветы Ивановой. 5
«Христосъ раждается...». Схимонаха Саввы. 6
Царь-Мученикъ. Стихотвореніе Н. К. 8
Рождество на чужбинѣ... и дома. И. В. Флегинской. 9
Рождество Христово (1960 г.). Стихотвореніе К. Томилина. 16
Находка. Памяти отца. Григорія Гагарина. 17
Тишина въ укромной келейкѣ... Стихотвореніе Е. П. 23

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе и страданія св. великомученицы Варвары. М. В. 24
О честныхъ мощахъ св. великомученицы Варвары. М. В. 30
Сказаніе о елочкѣ. Сообщила Наталія Прокоповичъ. 32

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. Роса. 35

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ»

на 1961 годъ.

Подписная плата на журналъ съ ежемѣсячнымъ литературнымъ приложеніемъ «Православная Жизнь» установлена въ суммѣ 6 долл. въ годъ. Желающіе получать англійское приложеніе доплачиваютъ одинъ долларъ. Столько же доплачиваютъ тѣ, кто хотятъ получать и «Православный Путь».

Лица, не состоящія подписчиками «Православной Руси», могутъ подписываться отдѣльно на «Православную Жизнь», уплачивая 3 долл. въ годъ, и на «Orthodox Life» уплачивая 2 доллара.

Подписка на «Православную Русь» безъ литературнаго приложенія «Православной Жизни» не принимается.

Для странъ съ низкой валютой устанавливается удешевленная подписка: 4, 5 долл. на «Православную Русь» съ «Православной Жизнью» и 2 долл. на одну «Православную жизнь».

Подписка принимается и на полгода, въ половинномъ размѣрѣ. Изъ Канады рекомендуется, въ виду разницы въ курсѣ, присылать деньги почтовыми money-order'ами.

Слово въ недѣлю 29-ю по Пятидесятницѣ

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

7/20 декабря 1931 г.

Когда Господь входилъ въ одно селеніе, встрѣтили Его десять прокаженныхъ, которые остановились вдали и громкимъ голосомъ говорили: Іисусъ, Наставникъ, помилуй насъ. Увидѣвъ ихъ, Онъ сказалъ имъ: пойдите, покажитесь священникамъ. И когда они шли — очистились. Одинъ же изъ нихъ, видя, что исцѣленъ, возвратился, громкимъ голосомъ прославляя Бога, и палъ ницъ къ ногамъ Его, благодаря Его. И это былъ самарянинъ. Тогда Іисусъ сказалъ: не десять ли очистились, гдѣ же девять. Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника. И сказалъ ему: встань, иди, вѣра твоя спасла тебя (Лук. **17,** 12-19).

«Не десять ли очистились, гдѣ же девять. Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника». Эти слова Господни напоминаютъ заключительныя слова притчи о званныхъ на вечерю: «много званныхъ, но мало избранныхъ». Какъ въ притчѣ знанные на пиръ, пренебрегши приглашеніемъ, оказались въ день пира не тамъ, гдѣ должны были быть, такъ и изъ получившихъ исцѣленіе отъ проказы большая часть — девять изъ десяти — не возвратились къ Господу воздать славу Богу за исцѣленіе, какъ сдѣлалъ это самарянинъ, одинъ изъ десяти исцѣленныхъ.

Самарянинъ, возвратившійся къ Господу съ выраженіемъ благодарности, свободно дѣйствовалъ, ничто не принуждало его возвращаться, онъ могъ итти своей дорогой, какъ и остальные девять. Однако, онъ отдѣлился отъ тѣхъ и возвратился: сознаніе долга воздать славу Богу отдѣлило его отъ остальныхъ. И Господь, сказавъ: «гдѣ же девять, какъ они не возвратились

воздать славу Богу» — не то выразилъ, что желалъ бы слышать отъ нихъ благодарность, а только засвидѣтельствовалъ разницу между возвратившимся воздать славу Богу и не возвратившимися.

Возвѣщая о грядущемъ судѣ — возмездіи — Господь сказалъ: «въ ту ночь будетъ двое на одной постели — одинъ возьмется, а другой оставится, двѣ будутъ молоть вмѣстѣ — одна возьмется, а другая оставится, двое будутъ на полѣ — одинъ возьмется, а другой оставится» (Лук. **17,** 34-36). Какъ бы такъ говоритъ Господь: когда возмездіе по суду Божію постигаетъ человѣка, онъ неотразимо повергается ему, опредѣленной участи, хотя другіе, съ нимъ вмѣстѣ находящіеся, этой участи избѣгаютъ. Такъ при гибели Содома, какъ повѣствуется въ Библіи, все семейство праведнаго Лота выведено было Ангелами изъ города, но жена Лота оглянулась и обратилась въ соляной столбъ, т. е. бѣдствіе, ниспосланное на городъ, застигло и ее.

«Не скоро совершается судъ надъ худыми дѣлами» (Еккл. **8**, 11), и бываетъ, что праведниковъ постигаетъ то, чего заслуживали бы дѣла нечестивыхъ, а съ нечестивыми бываетъ то, чего заслуживали бы дѣла праведниковъ (Еккл. **8,** 14). Для возмездія за человѣческія дѣла судомъ Божіимъ устанавливаются особые сроки (ср. Быт. **6.** 3), и оно приходитъ въ свое время. Но есть иной судъ, неотступно слѣдующій за нами, незримо и неслышно для насъ. Это тотъ судъ, который мы сами изрекаемъ на себя своимъ отношеніемъ къ истинѣ и правдѣ Божіей. Объ этомъ судѣ Господь такъ сказалъ: «Судъ состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы, ибо всякій дѣлающій злое ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы» (Іоан. **3,** 19-21).

Вотъ въ притчѣ о званныхъ на вечерю, приглашеніе притчи обнаружило настроеніе тѣхъ званныхъ: они были заняты своими дѣлами и презрѣли пригласившаго ихъ на пиръ. Они, по изображенію притчи, спокойно пошли каждый на свое дѣло, но незримо для нихъ, о нихъ произнесенъ приговоръ: много званныхъ, но мало избранныхъ. Равнымъ образомъ и тѣ девять, получившіе исцѣленіе отъ проказы, которые не возвратились съ самарянином воздать славу Богу, ушли съ радостію, но о нихъ изреченъ судъ: «Гдѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу?»

Такъ и надъ нами, на каждомъ шагу, незримо и неслышно для насъ, произносится приговоръ въ похвалу или въ осужденіе намъ, ибо, какъ сказалъ Господь, «за всякое праздное слово, ка-

кое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда: ибо отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься» (Матѳ. **12,** 36-37).

Будемъ же наблюдать за собой, за каждымъ своимъ движеніемъ, за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ помышленіемъ, какими отзываемся на то, что насъ окружаетъ, будемъ наблюдать, помня, что словами и поступками своими сами пишемъ о себѣ вѣчный приговоръ.

«Веселись, юноша», говорится въ Священномъ Писаніи, «въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ. Только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ» (Еккл. **11,** 9).

РОДИНѢ — КЪ ПРАЗДНИКУ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Въ этотъ Свѣтлый Праздникъ Рождества Христова,
Сердце грусть глубокая защемила вновь!..
О Тебѣ далекой я тоскую снова,
И къ Тебѣ летитъ моя горячая любовь!..

...Ты теперь, любимая, снѣгомъ занесенная!..
Какъ живыя — вижу я: вотъ Твои поля,
Города, деревни, села разоренныя,
Милая, далекая, Родимая Земля!..

Въ оскверненной церкви не горятъ лампадки,
Не слыхать напѣвовъ ангельскихъ молитвъ...
...Залегли суровыя, надъ бровями, складки,
Отъ тяжелыхъ мыслей, отъ житейскихъ битвъ!..

О Тебѣ, родная, въ эти дни Святые,
О Тебѣ, любимая Страдалица-Русь,
На чужбинѣ горько слезы проливая,
Всей своей душою объ одной молюсь...

За желѣзною завѣсою Русь моя томится!..
«Господи!.. Спаси Ее!.. Внемли моей мольбѣ!!!
...Только, когда сердце перестанетъ биться,
Лишь тогда молиться перестану о Тебѣ...

Елизавета Иванова.

«Христосъ раждается...»

Живя вблизи св. Виѳлеема, я много разъ бывалъ въ немъ. Возникали впечатлѣнія и размышленія: Како Богъ Невидимый — видимъ бысть! —Желаю подѣлиться съ вѣрными и ближними моими о Господѣ, а наипаче — въ разсѣяніи сущими.

"Бога никтоже видѣ нигдѣже, Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, Той исповѣда" (Іоан. 1, 18).

Онъ, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, "въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть. Въ Томъ животъ бѣ и животъ бѣ Свѣтъ человѣкомъ, и свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма Его не объятъ" (Іоан. 1, 1-5).

Сіе безначальное рожденіе отъ Бога Отца — прежде всѣхъ вѣкъ, какъ мы вѣруемъ и поемъ: "И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога Истинна отъ Бога Истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія, сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася". "И Слово плоть бысть, вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины" (Іоан. 1, 14).

Нынѣ Рождество Христово; родился Христосъ отъ присно-Дѣвы Маріи, и вочеловѣчися. Мы поемъ Ему въ Акаѳистѣ: "Весь бѣ въ нижнихъ и вышнихъ никакоже отступи неописанное Слово: снисхожденіе бо Божественное, не прехожденіе же мѣстное бысть, и Рождество отъ Дѣвы Богопріятныя". "Радуйся Бога невмѣстимаго вмѣстилище", то-есть Слово Божіе воплотилось — Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, но не разлучился отъ Отца, — како воспѣваетъ Церковь: "Во гробѣ плотски, во адѣ съ душею, яко Богъ, въ раи съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси Христе со Отцемъ и Духомъ вся исполняяй неописанный" — вездѣ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его. Сказано о Немъ: "Онъ бѣ Свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Въ мірѣ бѣ, и міръ Тѣмъ бысть. И міръ Его не позна. Во Своя пріидѣ, и Свои Его не пріяша. Елицы же пріяша Его, даде имъ область, чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его" (Іоан. 1, 9-12).

Слава Богу, мы всѣ, вѣрующіи и крещеные, называемся дѣтьми Божіими.

"Посланъ бысть Архангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ галилейскій ему же имя Назаретъ къ Дѣвѣ обрученной мужеви ему же имя Іосифъ отъ дома Давидова и имя Дѣвѣ Маріамъ и вшедъ къ Ней Архангелъ рече: Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою, Благословенна Ты въ женахъ. Она же видѣша, смутися о словеси его, и помышляше: "каково будетъ цѣлованіе сіе". И рече ангелъ Ей: "Не бойся Маріамъ. Обрѣла еси бла-

годать у Бога. И се зачнеши во чревѣ, и родиши Сына. И наречеши имя Ему Іисусъ. Сей будетъ велій, и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его. И воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца". Рече же Маріамъ: ко Архангелу: "Како будетъ сіе? идѣже мужа не знаю". И отвѣщавъ Ангелъ, рече Ей: "Духъ Святый найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя. Тѣмже и Рождаемое Свято, наречется Сынъ Божій. И се Елисаветь, южика Твоя и та зачатъ сына въ старости своей: и сей мѣсяцъ шестый есть ей, нарицаемѣй неплоды: яко неизнеможетъ у Бога всякъ глаголъ". Рече же Маріамъ: "Се раба Господня, буди Мнѣ по глаголу твоему". И отыде отъ Нея Архангелъ." (Лук. 1, 26-38).

Когда была Матерь Божія въ Виѳлеемѣ, "исполнишася дніе родити Ей, и роди Сына Своего первенца, и повитъ Его, и положи Его въ яслехъ, зане не бѣ имъ мѣста въ обители. И пастыріе бѣ въ той странѣ, бдяща, и стрегуще стражу ночную о стадѣ своемъ. И се Ангелъ Господень ста въ нихъ и слава Господня осія ихъ: и убояшася страхомъ веліимъ, и рече имъ Ангелъ: "Не бойтеся: се бо благовѣствую Вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ: яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь во градѣ Давидовѣ. И се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита лежащаго въ яслехъ. И внезапу бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: "Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе"; И бысть яко отыдоша отъ нихъ на небо Ангелы... Пастыріе рѣша: "прейдемъ до Виѳлеема, и обрѣтоша Маріамъ же и Іосифа, и Младенца лежащаго въ яслехъ. Видѣвше же, сказаша о глаголѣ глаголаннымъ имъ о Отрочатѣ Семъ. Маріамъ же соблюдаше вся глаголы сія, слагающе въ сердцѣ Своемъ" (Матѳ. 5, 6-19).

"Іисусу же рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ во дни Ирода царя, се волсви отъ Востокъ пріидоша въ Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій, видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися Ему. Слышавъ же Иродъ царь смутися и весь Іерусалимъ съ нимъ. И собравъ вся первосвященники и книжники, вопрошаше отъ нихъ: гдѣ Христосъ раждается? Они же рекоша ему: въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, такъ бо писано есть пророкомъ: И ты, Виѳлеемъ, земле Іудова, ни чимъ же менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: Изъ тебе бо изыдетъ Вождь, Иже упасетъ люди Моя Израиля... (Волсви) идоша, и се звѣзда, юже видѣша на востоцѣ, идяше предъ ними, дондеже пришедши ста верху, идѣже бѣ Отроча. Видѣвше же звѣзду возрадовашася радостію веліею зѣло, и пришедше въ храмину, видѣша Отроча съ Маріею, Матеріею Его, и падше поклонишася Ему, и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато и ливанъ и смирну. И... отыдоша въ страну свою" (Матѳ. 2, 1-12).

Нынѣ мы всѣ, вѣрные, встрѣчаемъ великій праздникъ Рождества Христова, рожденнаго отъ Матери Приснодѣвы. Пребывшая и до рождества Дѣва въ рождествѣ Дѣва и по рождествѣ Дѣва. "Приснодѣва", т. е. всегда Дѣва: и Матерь и Дѣва. Какъ поетъ Церковь: "Чужде матеремъ дѣвство и

странно дѣвамъ дѣторожденіе, на Тебѣ Богородице обоя устроишася"... Чуднорожденный отъ Отца, прежде вѣкъ, Онъ же родился насъ ради, благоволеніемъ Небеснаго Отца, отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы вочеловѣчшися, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, кромѣ грѣха, какъ воспѣваетъ Церковь Божіей Матери: "Кто Тебе не ублажитъ, Пресвятая Дѣво, кто ли не воспоетъ Твоего Пречистаго Рождества, безлѣтно бо отъ Отца прежде вѣкъ рожденнаго. Тойже отъ Тебе Чистыя пройде неизреченно воплощься, естествомъ Богъ и естествомъ бывъ человѣкъ, не во двою лицу раздѣляемый, но во двою естеству неслитно познаваемый..." И такъ Марія Дѣва нынѣ родила зачеиншагося отъ Святаго Духа Истиннаго Бога и истиннаго Человѣка, кромѣ грѣха.

Теперь увидѣли вы, вѣрующіе, что Дѣва Марія родила Истиннаго Бога. Встрѣчайте Его какъ Бога, приготовьтесь къ встрѣчѣ Бога, своего Создателя, Искупителя, и Помилователя, кайтесь въ молитвѣ вашей предъ Нимъ, исповѣдайтесь предъ священникомъ вашимъ. Онъ имѣетъ власть отъ Бога прощать грѣхи. И пріобщитесь Святыхъ Таинъ — симъ обновите свои души. И вы встрѣтите и спразднуете радостно праздникъ великій: Рождество Его.

Истинный желатель спасенія своего и вашего:

1960 года, ноябрь. *Схимонахъ Савва.*

ЦАРЬ - МУЧЕНИКЪ.

Безропотно, увѣренной походкой
До мѣста лобнаго тяжелый крестъ Ты несъ.
Ты шелъ на смерть съ своей улыбкой кроткой,
Прощая всѣмъ, какъ нѣкогда — Христосъ...

*

Незыблемая, пламенная вѣра
Вдохнула мужество — всю скорбь до дна испить,
И приговоръ чекиста-изувѣра
Твоей души уже не могъ смутить.

*

И въ часъ, когда подъ сводами подвала,
Поднялась на Тебя злодѣйская рука, —
Сіянье новое — Твой образъ увѣнчало,
И свѣтъ его — переживетъ вѣка!

Н. К.

Рождество на чужбинѣ...и дома.

Никогда не забуду. Это было вечеромъ, на Невскомъ Проспектѣ, у витрины газеты "Вечернее Время". Вывѣшены послѣднія извѣстія. Я прочла ихъ. Пораженная, не въ силахъ уйти, стою у витрины. Подошли два солдата въ длинныхъ шинеляхъ гвардейскаго кавалерійскаго полка. Стройные, сильные, съ мужественными, честными, русскими лицами. Старшій имѣлъ нашивки на рукавѣ, но, повидимому, не былъ силенъ въ грамотѣ. Онъ приказалъ:

— Читай.

Не помню точно текстъ телеграммы, но смыслъ былъ тотъ, что Государь отрекся отъ престола за себя и за наслѣдника.

— Дальше! — Младшій продолжалъ читать. Великій князь Михаилъ тоже отрекся отъ престола.

— Нѣтъ, не правда! — вскрикнулъ старшій.

— Да тутъ написано, — возразилъ младшій. Старшій замолчалъ. Потомъ измѣнившимся голосомъ, тихо сказалъ:

— Значитъ, кончено... — Пойдемъ.

Вскорѣ, вмѣстѣ съ моими родителями, я очутилась на чужбинѣ. Зарабатывала, борясь съ невзгодами жизни, совершенно не будучи подготовлена къ этому... Многое видѣла въ разныхъ странахъ. Хочется мнѣ описать Праздникъ Рождества Христова въ странахъ, гдѣ мнѣ довелось жить, а затѣмъ вспомнить, какъ мы проводили Праздникъ на Родинѣ...

Послѣ пребыванія въ теченіе около двадцати лѣтъ въ Турціи и Франціи, довелось намъ переѣхать въ православную, болѣе родную намъ и понятную Сербію.

Пріѣхали мы осенью. Наступила зима, а снѣга нѣтъ. Стояли ясные, свѣтлые дни. А уже приближается время праздника. Въ воздухѣ слегка только чувствуется зимняя, острая свѣжесть, но днемъ, на солнцѣ, совсѣмъ тепло. Магазины полны всякими вкусными вещами и дорогими товарами. Базары переполнены мясными продуктами, свѣжими, копчеными, солеными, колбасами, саломъ. На улицахъ и на базарѣ виднѣются стройные "селяки" — крестьяне, въ коричневыхъ, теплыхъ шерстяныхъ національныхъ костюмахъ, вышитыхъ позументами темныхъ или черныхъ окрасокъ, выдѣляющимися на фонѣ костюмовъ. Красивыя, темноглазыя, "селянки", въ нарядной, изящной "пошмѣ", широкихъ юбкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, вышитый подолъ которыхъ виднѣется изъ-подъ темныхъ юбокъ, и въ бѣлыхъ, тоже вышитыхъ, платочкахъ на головѣ, степенно ходятъ по базару и магазинамъ вмѣстѣ съ селяками, закупая все нужное къ празднику. Разъѣзжаютъ телѣги съ парной запряжкой неважныхъ лошадокъ или воловъ, нагруженныя связанной небольшими пучками соломой и вѣтками дуба съ неопавшими, сухими, темными листьями. Елокъ у сербовъ почти не бываетъ, но всякая сербская семья должна имѣть на Рождество такія дубовыя вѣтки и пучки соломы въ память времени, когда

на Рождество бывали нападенія турокъ, и сербы скрывались въ "шуму", въ лѣсъ, и тамъ справляли Рождество у костровъ. Звонятъ часто въ церквахъ, это же рождественскій постъ.

Наконецъ, наступаетъ канунъ Праздника Рождества. Тихій, не холодный, хотя уже съ легкимъ морозцемъ вечеръ. Лѣниво начинаетъ падать первый, рѣдкій снѣжокъ. Все побѣлѣло, стало чисто и празднично. Спѣшатъ прохожіе, спѣшатъ къ себѣ по домамъ, къ ожидающей ихъ семьѣ. Несутъ сверточки, пакетики. Раздается пискъ и похрюкиваніе поросятъ: у сербовъ жареный поросенокъ любимое угощеніе къ празднику. Окна ярко освѣщены. Чувствуется за ними уютъ, тепло, праздничное радушіе. Тихо все. Вдругъ, какъ бы съ низко ползущихъ облаковъ и падающаго снѣга, раздаются странные, мягкіе звуки: "тяу, тяу, — тау, тау", мѣрно чередующіеся черезъ равныя промежутки времени и сливающіеся въ стройные, музыкальные аккорды. Звуки все усиливаются, оставаясь мягкими, затѣмъ стихаютъ, удаляясь. Это летятъ запоздавшіе дикіе гуси. Кричитъ передовой въ косякѣ вожакъ, и аккордами, мягче, нѣжнѣе отвѣчаютъ остальные гуси. Эти звуки, вмѣстѣ съ падающимъ первымъ снѣгомъ, создаютъ въ тишинѣ святого вечера, торжественное настроеніе: будто сама природа чувствуетъ величіе Святой Ночи.

*

* *

Не пришлось намъ долго оставаться въ Сербіи. Надвинулись враги. Некуда намъ было бѣжать, какъ только въ Германію, хотя тамъ свирѣпствовала война. Все же это было лучше встрѣчи съ большевиками. Отецъ тогда уже скончался, мать очень состарилась, а послѣ смерти отца получила болѣзнь сердца. Трудно было бѣжать, но выхода не было. Много тяжелаго пришлось пережить, но ко времени Праздника, война кончилась и стала налаживаться жизнь. И въ разоренной войной странѣ, нѣмцы умѣли хранить порядокъ. Всякій человѣкъ, включая иностранцевъ, получалъ свой, правда, скудный, но равный для всехъ паекъ, на который можно было жить; каждый получалъ помощь и заботу о себѣ въ самыя тяжелыя для него минуты жизни. Въ этомъ отношеніи честь нѣмцамъ и слава.

Сочельникъ пришлось намъ встрѣтить въ небольшомъ городкѣ Меммингенѣ. Замѣчательный это городокъ, какъ бы осколокъ, уцѣлѣвшій отъ среднихъ вѣковъ. Узкія улицы, извивающіяся между островерхими, невысокими домами съ нависающими одинъ надъ другимъ, выдающимися впередъ этажами; съ каналими, тянущимися посреди многихъ изъ этихъ улицъ; съ живописными горбатыми мостиками, переброшенными черезъ нихъ, и съ задумчивыми деревьями, мѣстами склоняющимися надъ водой. Улицы таинственно-темноватыя отъ нависающихъ этажей, съ узкими проходами для пѣшеходовъ вдоль стѣнъ у береговъ каналовъ. Полукруглыя двери съ тяжелыми металлическими кольцами по срединѣ, которыми стучатъ объ дверь посѣтители. Старинныя стѣны изъ потемнѣвшаго отъ вре-

мени кирпича, окружавшія когда то городъ со всѣхъ сторонъ, сохранились кое-гдѣ со своими массивными воротами и башнями, въ которыхъ маленькія окошки защищены прачудливыми чугунными рѣшетками. Посреди города миніатюрная площадь, выложенная булыжниками и окруженная главными городскими зданіями. Живописная мэрія, съ розовыми, лѣпными украшеніями на низкихъ аркадахъ; рядъ магазиновъ подъ такими же аркадами; величавое зданіе съ красивыми карнизами оконъ и широкой площадкой балкона на четырехъ стройныхъ колоннахъ, окруженнаго витой чугунной рѣшеткой. Вѣроятно, это домъ прежняго курфюрста. Съ этого высокаго балкона, разукрашеннаго тогда коврами и цвѣтами, величественный курфюрстъ привѣтствовалъ своихъ рыцарей... Противъ этого зданія короткая улица, ведущая къ другой маленькой площади, на которой видна старинная церковь св. Мартина. Она вся темная мрачная, тяжелая, и все же красивая въ своей массивной архитектурѣ. Высокая башня съ крытой площадкой на верху, доминирующая надъ городкомъ, уменьшаетъ мрачность церкви, придавая ей стремленіе вверхъ, къ небу. Да еще бѣлый барельефъ, изображающій св. Мартина на конѣ, когда святой отсѣкаетъ мечемъ половину своего плаща, чтобы одѣть нагого нищаго, нарушаетъ мрачность стараго собора.

Тихо, пустынно на улицахъ. Вечерняя заря. Жители разбрелись по домамъ въ этотъ святой вечеръ. Покупать нечего. Все, что можно было достать, выдавалось утромъ по карточкамъ. Въ окнахъ виднѣется свѣтъ. Кое-гдѣ, въ глубинѣ, украшаютъ небольшую елку маленькими свѣчками, которыя будутъ сіять своими подвижными, живыми огоньками. Тихо, нѣтъ вѣтра. Вчера выпалъ снѣжокъ и красиво разукрасилъ все вокругъ. Стоишь на пустынной площади въ вечернемъ сумракѣ, и чудится, что вотъ сейчасъ изъ-за церкви Святого Мартина покажутся рыцари, закованные въ сіяющіе доспѣхи, на огромныхъ покрытыхъ тяжелыми, расшитыми чепраками коняхъ. За рыцарями, — стройные оруженосцы, тоже на коняхъ, держа на высокихъ древкахъ знамена съ рыцарскими девизами: "За правду и честь", Могучій, какъ честь и доблесть", "Богъ и мое право". Торжественно заполняютъ рыцари площадь и глядятъ на высокій балконъ, ожидая курфюрста...

Въ углу площади небольшая елка. Она поднимается чуть выше второго этажа, украшенная бѣлыми электрическими лампочками. На вершинѣ большая блестящая звѣзда. Снѣгъ красиво лежитъ бѣлыми хлопьями на концахъ ея голубоватыхъ раскидистыхъ вѣтокъ.

Почти совсѣмъ стемнѣло. Вдругъ, разомъ загорѣлись на елкѣ свѣтлыя лампочки и въ ту же минуту, сверху, съ высоты башенной площадки церкви св. Мартина, полились стройные, торжественные звуки большого духового оркестра... "Тихая ночь, святая ночь..." Звучные аккорды медленно плывутъ въ воздухѣ, проникая въ самыя отдаленныя улицы городка. Они слышатся черезъ закрытыя окна, въ которыхъ тоже зажигаются елочки, они проникаютъ въ самое сердце людей, оставляя неизгладимое воспоминаніе о святомъ вечерѣ...

*
* *

И здѣсь въ Германіи нельзя было оставаться. Намъ посчастливилось не быть зачисленными къ выдачѣ и послѣ долгихъ мытарствъ мы перебрались въ Америку.

Быстро летитъ время. И вотъ опять скоро праздникъ. Подъ вліяніемъ близости океана, здѣсь еще не холодно, лишь по временамъ поднимается порывъ рѣзкаго, пронизывающаго вѣтра, который легко проходитъ сквозь неплотныя, хотя и нарядныя одежды, и леденитъ прохожихъ. Всѣ спѣшатъ укрыться въ магазины, собвеи. Впрочемъ, здѣсь всѣ и всегда спѣшатъ...

Въ сочельникъ, нарядная, веселая толпа наполняетъ главныя улицы Нью-Іорка, пыльныя и испещренныя окурками, бумагами, газетами, пожалуй, хуже другихъ улицъ. Рождественскій сезонъ начался еще за двѣ недѣли. Окна и витрины магазиновъ разукрашены рождественскими эмблемами — плющемъ, красными ягодами съ колючими листьями и хвоей. Весело выглядываютъ румяныя, полныя физіономіи "дѣда Мороза" Santa Claus, какъ здѣсь неучтиво употребляютъ имя Святого. Онъ ѣстъ конфеты; погоняетъ бичемъ запряженныхъ оленей; хитро подмигиваетъ среди молоденькихъ головокъ. "Merry Christmas", то и дѣло раздается въ толпѣ. Почтовые ящики не вмѣщаютъ всего, и посылки горкой лежатъ на тротуарахъ, въ ожиданіи почтальоновъ. Яркая толпа весело движется. Смѣхъ по всякому поводу и безъ повода здѣсь признакъ хорошаго тона. А приготовленія къ Празднику создаютъ повышенное настроеніе.

У большого ледяного катка, все время играетъ шумный "джазъ". Стоитъ гигантская елка, достигающая своей вершиной до шестого и даже до седьмого этажа. Она густо увѣшана разноцвѣтными лампочками и вся сіяетъ, переливаясь пестрыми огнями, лишь вѣтеръ качнетъ ея вѣтви. А внизу звенятъ на льду легкіе коньки, подъ рѣзко-ритмичный "джазъ". Елки въ квартирахъ ставятъ ближе къ окнамъ, чтобы онѣ были видны съ улицы. Въ каждой семьѣ зажжена елка, густо завѣшенная бездѣлушками.

За городомъ въ домикахъ, точно карточныхъ, игрушечныхъ, вездѣ свѣтятся елки у оконъ, а на дворѣ, передъ домами, кусты и живыя елочки, освѣщенныя изъ-подъ вѣтокъ разноцвѣтными лампочками, а изъ оконъ выглядываютъ тѣ же румянные старики — Santa Claus. — "Merry Christmas!".

Вечерняя заря еще не погасла. На фонѣ горизонта, выдѣляется знаменитая Нью-Іоркская "Sky line" — силуэтъ разнообразныхъ небоскребовъ, расположенныхъ въ центрѣ города. Сказочная картина! Странныя причудливыя зданія въ мягкихъ тонахъ, мѣстами уже почти сливающихся съ темнѣющимъ небомъ. Течетъ волна разноцвѣтныхъ автомобилей. Мгновенно останавливаются у сигнала, а черезъ минуту опять несутся. Половина улицы пестритъ красными огнями отъ заднихъ фонарей, тогда какъ другая пестритъ бѣлыми огнями отъ переднихъ фонарей, и

есть что то зловѣщее въ этомъ безшумномъ бѣгѣ. Людей на нихъ не видно. Нѣтъ и пѣшеходовъ. И кажется, что волшебный потокъ течетъ по улицамъ мертваго города. Высятся стальные мосты. И разрастается надъ огромнымъ городомъ все ярче электрическое зарево... "Merry Christmas!"

*

* *

Теперь перенесемся далеко назадъ въ старую усадьбу, на югѣ Россіи, Екатеринославской губерніи.

25 декабря 1913 года. На дворѣ поздній, зимній разсвѣтъ. Дѣти уже проснулись и, въ полъ-голоса, чтобы не разбудить старшихъ, переговариваются между собою.

— Сегодня Рождество, мы сейчасъ поѣдемъ на саняхъ въ церковь, —радостно шепчетъ младшая дѣвочка, Люба.

— А вечеромъ будетъ зажжена елка, — вторитъ старшая, Женя, — надо разбудить брата, — добавляетъ она, и поскорѣе одѣваться.

Небо порозовѣло за высокими деревьями сада. Первые лучи солнца заискрились на чистомъ снѣгу и ярко освѣтили голые кусты и деревья сада, широкую каменную лѣстницу и большой бѣлый старинный домъ, съ высокимъ балкономъ и строгими колоннами... Двое саней съ парной запряжкой уже стояли у крыльца. Мы разсѣлись и горячія лошади легко побѣжали, разбрасывая пушистый снѣгъ и обдавая ѣдущихъ серебристой пылью. Дорога дальняя. Верстъ десять до села. Но время летитъ быстро, и вскорѣ съ высокаго берега небольшой рѣчки слышны стали отдаленные, мѣрные удары колокола. Открылся широкій видъ на село съ узкой линіей хатъ, съ садиками, скирдами, сарайчиками, окружающими огромную, для деревенскихъ размѣровъ, площадь, по серединѣ которой величественно возвышалась старинная строгая церковь. Очень давно, ее построилъ князь Голицынъ, въ тѣ времена богатый собственникъ огромныхъ помѣстій. Церковь каменная, въ формѣ креста, съ фронтонами съ каждой стороны, на четырехъ стройныхъ колоннахъ съ коринфскими украшеніями на верху и съ высокими входными дверями, къ которымъ вели четыре длинныхъ каменныхъ ступени. Церковь окружена каменной бѣлой стѣной. Внутри этой ограды росло нѣсколько деревьевъ. Вся церковь, посреди пустынной площади, была какъ бы островкомъ изъ другого міра.

Село Голицыновка не было богатымъ, потому что было далеко отъ усадьбъ, отъ рудниковъ и заводовъ. Крестьяне не имѣли побочныхъ заработковъ. Хатки были бѣдныя, маленькія, крытыя ржаной соломой или камышемъ, почернѣвшими отъ времени. Онѣ какъ бы вросли въ землю, и заваленки вдоль передней стѣны едва возвышались надъ землею. Не то, что деревня близъ которой мы жили! Благодаря подсобнымъ заработкамъ, эта деревня процвѣтала. Нарядныя, бѣленькія хаты были крыты розовой черепицей. Каждый крестьянинъ имѣлъ обычно двѣ пары лошадокъ, корову, свинью, овецъ. Крестьяне ходили въ высокихъ кожаныхъ

сапогахъ зиму и лѣто, а крестьянки имѣли высокіе "чоботы" для зимы, лѣтомъ же, большей частью, ходили босикомъ. Всѣ были хорошо, даже красиво одѣты; мужчины въ длинныхъ почти до колѣнъ чинаркахъ темнаго цвѣта; а женщины въ вышитыхъ рубахахъ, пышныхъ темныхъ юбкахъ и черныхъ длинныхъ безрукавкахъ. Послѣднее время, къ сожалѣнію, все это замѣняли уродливые пиджаки у мужчинъ и "нѣмецкія кофты" у женщинъ...

Вотъ сани спустились съ горки къ широкому, на каменныхъ устояхъ, построенному земствомъ, мосту, проѣхали по площади и остановились у главнаго входа въ церковь. Служба уже началась. Слышалось довольно стройное пѣніе хора. Когда отворили церковную дверь, пахнуло тепломъ, запахомъ ладана и особымъ запахомъ постнаго масла "оливы", которымъ крестьяне густо припомаживали свои, большей частью, довольно длинные волосы. Кучеръ сошелъ съ облучка, чтобы провести въ толпѣ вновь прибывшихъ. Дѣвочки съ испугомъ смотрѣли на сплошную стѣну людей, плотной толпой, до самыхъ дверей, наполнявшихъ церковь. Надъ головами, въ полусумракѣ церкви, въ голубыхъ волнахъ ладана мерцали лампады. Кучеръ пошелъ впередъ и за нимъ, по образовавшемуся узкому проходу, касаясь теплыхъ бараньихъ свитокъ мужиковъ и бабъ, прошли мы и стали на домотканный полосатый коврикъ, положенный на вытоптанныя отъ времени плиты. Строго смотрѣли на насъ съ потемнѣвшаго, когда-то позолоченнаго иконостаса стариннаго письма иконы. Священникъ, старенькій о. Платонъ совершалъ кажденіе. Мерцали свѣчи и лампады. Истово крестилась строго-безмолвная, густая толпа, черезъ, которую передавались изъ заднихъ рядовъ свѣчи. Громко пѣлъ хоръ. Двѣ младшія дѣвочки разно воспринимали все вокругъ нихъ происходившее. Женя смѣло оборачивалась посмотрѣть, какъ на хорахъ поютъ пѣвчіе и дирижируетъ о. діаконъ. Она даже дѣлала замѣчанія, за что получала строгіе взгляды старшихъ сестеръ. Люба стояла смирно и когда священникъ сказалъ: "Главы ваша Господеви приклоните", не смѣла поднять глазъ, хотя ей очень хотѣлось подсмотрѣть, что же тамъ происходитъ, когда всѣ опустили головы. Когда же прикладывались ко кресту, священникъ, когда-то крестившій двухъ младшихъ дѣвочекъ, далъ имъ по просфорочкѣ. Вмѣстѣ съ толпой крестьянъ, изъ которыхъ многіе имъ были знакомы, онѣ вышли на морозный воздухъ. Промерзшія лошади быстро помчали ихъ домой по снѣжной дорогѣ. Обѣ дѣвочки молчали и только смотрѣли на такой знакомый имъ видъ безбрежнаго простора степи, теперь бѣлой, однообразной, сливающейся съ небомъ на горизонтѣ.

Невольно вспомнилась та же степь весной во время посѣва. Три пары сильныхъ воловъ, медленно и ровно тянутъ плугъ. Нѣсколько такихъ плуговъ движутся по полю. А рядомъ съ волами идетъ хлопецъ, музыкально, протяжно покрикивая на воловъ и голосъ его далеко разносится по степи. Волы будто прислушиваются къ его голосу и задумчиво глядятъ своими прекрасными темными глазами. Немного дальше ходятъ рядовыя сѣялки, опускающія зерно въ землю на нужную глубину. Дальше

бороны заравниваютъ вспаханное поле. Всѣ работаютъ дружно и весело. А высоко въ небѣ звонко поютъ невидимые жаворонки, радуясь веснѣ и солнцу. Быстро зеленѣетъ степь озимыми хлѣбами и вновь посѣянными злаками. Скоро побѣгутъ, какъ по морю, отъ вѣтра по безконечнымъ полямъ пшеницы, побѣгутъ, сначала зелено-серебристыя волны зелени, а позднѣе золотыя волны поспѣвающихъ колосьевъ. Хорошо поэтъ сказалъ о нивѣ:

По тебѣ отъ вѣтра,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.

Лѣтомъ ночью звенятъ перепела и кузнечики. Небо высокое, темное усыпано звѣздами. А кругомъ вдали, на разстояніи болѣе двадцати верстъ, съ трехъ сторонъ, на горизонтѣ, какъ огромныя, брилліантовыя ожерелья, блестятъ электрическіе огни рудниковъ и заводовъ. Временами, среди нихъ ярко вспыхиваетъ красноватое зарево: это расплавленный металлъ выпущенъ изъ доменной печи. А вдругъ еще ярче вспыхнетъ ослѣпительное бѣлое зарево: это льется расплавленная сталь изъ бессемера. Погасло зарево и опять блестятъ ожерелья огней, да высокія звѣзды небесныя надъ потемнѣвшимъ степнымъ просторомъ...

Задумчивость обрываетъ морозъ. Крѣпчаетъ! Сильный вѣтеръ, взметая порошу, больно бьетъ щеки. Шубы начинаютъ казаться легкими. Путешественники были рады, когда сани остановились у крыльца. Дворовыя собаки радостно встрѣтили, ласкаясь и всячески стараясь обратить на себя ихъ вниманіе.

— Слушай, Люба, побѣжимъ по снѣгу, потомъ заглянемъ на конюшню.

— Нѣтъ, нѣтъ, —строго перебиваетъ Женю на французскомъ языкѣ гувернантка, вышедшая встрѣчать. — Сегодня Рождество. Поправить волосы, вымыть руки передъ обѣдомъ. Въ столовой надо быть раньше, чѣмъ папа выйдетъ изъ кабинета.

Только попали дѣвочки въ свою комнату, какъ ихъ позвали. "Христославы"! Сначала вошли парнишки съ небольшой пестрой картонной звѣздой съ изображеніемъ иконы Праздника. По высокимъ комнатамъ дома разносилось: "Волхвы со звѣздою путешествуютъ..." Потомъ, пришли "до пана" молодой крестьянинъ съ невѣстой, въ платочкѣ и со многими ожерельями, "монистами", на шеѣ. Когда она въ поясъ кланялась, ожерелья свисали и, звеня, почти касались пола. Невѣстѣ полагалось быть съ заплаканными глазами, но украдкой она весело улыбалась намъ. Съ ними были "дружки", дивчата и хлопцы съ вышитыми полотенцами, повязанными поверхъ рукава полушубка. Приносили свадебную "шишку", т. е. пшеничный хлѣбецъ со многими хлѣбными шишечками на немъ, по числу родственниковъ молодыхъ.

Послѣ ухода христославовъ сѣли обѣдать.

Начинало темнѣть, и дѣвочки съ волненіемъ и любопытствомъ поглядывали на закрытыя съ утра двери залы... Когда совсѣмъ стемнѣло,

двери распахнулись и онѣ увидѣли красавицу елку, — обычно сосну, потому что елку трудно было достать на югѣ. Она вся сіяла живыми огоньками свѣчей и массой блестящихъ бомбоньерокъ и стеклянныхъ бусъ. У Любы въ первую минуту даже какъ бы закружилась голова отъ неожиданнаго яркаго свѣта и, какъ ей показалось, массы людей, хотя тамъ были только обычные обитатели дома. На столѣ лежали подарки для обѣихъ дѣвочекъ и для взрослыхъ. Получивъ свои подарки и подаривъ мамѣ и папѣ приготовленныя для нихъ свои рукодѣлія, полакомившись вдоволь орѣхами, пряниками и сладостями, дѣвочки, счастливыя и довольныя отправились спать. Люба взяла съ собой въ кровать новую куклу и пушистаго Мишку, а Женя такъ хотѣла спать отъ массы впечатлѣній, что заснула сразу, какъ только положила голову на подушку...

Какое намъ было даровано Богомъ безмятежное счастье! Отнялъ его отъ насъ Господь по грѣхамъ нашимъ. Помоги намъ, Господи, всей душой прійти къ Тебѣ, соблюдая строго всѣ Твои слова. Тогда, можетъ быть, Всемилостивый, простишь Ты насъ и воскресишь нашу Родину, гдѣ теплется, скрываясь, святой огонекъ русской православной вѣры.

Ир. Викт. Флегинская.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

(1960-й годъ).

Въ покаянную годину
  Обезумѣвшей земли
Обрати на Палестину
  Очи скорбныя свои:
Надъ пещерой, въ Виѳлеемѣ,
  Свѣтитъ дивная Звѣзда,
А въ пастушеской пещерѣ —
  Ликъ младенческій Христа;
Надъ Младенцемъ Мать склонилась,
  Тутъ волхвы и пастухи,
Божья радость намъ открылась
  Въ воплощеніи Любви.
Ликъ Младенческій сіяетъ
  Ярче солнечныхъ лучей...
Свѣтъ небесный озаряетъ
  Истомившихся людей.
Самъ Господь пришелъ на землю,
  Чтобъ спасти весь родъ людской...
Пѣнью ангельскому внемли,
  Славу пой Любви Святой.
Почему же, люди-братья,
  Отошли мы отъ Христа —
Въ міръ сомнительнаго счастья,
  Ненасытнаго грѣха?

К. Томилинъ.

НАХОДКА.

ПАМЯТИ ОТЦА.

Опершись о широкій подоконникъ, мы смотрѣли въ окно. Кругомъ бѣло. Сквозь облѣпленныя снѣгомъ, послѣ вчерашней мятели, вѣтви деревьевъ сада проглядывало холодное сѣро-голубое декабрьское небо. Съ западной стороны надвигались свинцовыя тучи, предвѣщающія вновь снѣгопадъ. Въ квартирѣ тепло. Пріятно потрескиваютъ дрова въ кафельной печи, пахнетъ горячей березовой корой и лампаднымъ масломъ. Мѣрно отбиваютъ секунды стѣнные часы: тикъ-такъ... тикъ-такъ.

— Ну, слава Богу, все готово, только папы почему то долго нѣтъ.

Мы обернулись. Сумерки уже надвигались, въ комнатѣ было темновато, ее освѣщала лампадка, висящая передъ иконами въ углу. Мать стояла возлѣ накрытаго стола. Сегодня сочельникъ, и на ужинъ-вечерю двѣнадцать блюдъ — по числу апостоловъ Христовыхъ. Вечерять будемъ безъ лампы, при зажженной восковой свѣчкѣ. Но самое интересное послѣ вечери: всѣ будутъ тянуть изъ-подъ бѣлой скатерти сухія стеблинки разложеннаго по всѣму столу сѣна (Христосъ родился въ ясляхъ на сѣнѣ). Чѣмъ длиннѣе вытянутая стеблинка, тѣмъ дольше будешь жить.

— Мама... а почему восемь тарелокъ, вѣдь насъ только шесть? — спросилъ я.

— Седьмой приборъ, дѣтка, въ память умершихъ родныхъ, а восьмой — для странника подорожнаго, для прохожаго бѣднаго.

— А если прохожій не придетъ?

— Тогда намъ болсэ останется... — невозмутимо произнесъ младшій братъ.

— Шурикъ, какъ тебѣ не стыдно! Нужно быть добрымъ мальчикомъ и не жалѣть накормить нищаго, — пожурила его мать.

— А какъ я могу наколмить, если онъ не плидетъ, я з не виновать!

Въ комнату вошла бѣлокурая дѣвушка.

— Frau, es ist alles fertig. Ich habe das Gastzimmer gut geputzt.

Но намъ хорошо извѣстно, что фрейлинъ Генріэта украшала въ гостинной елку, а не "geputzt". Вчера вечеромъ, когда мы были въ постеляхъ, отецъ, повидимому, думая, что мы уже спимъ, сказалъ матери: "Завтра утромъ привезутъ елку. Придетъ человѣкъ и водрузитъ ее на мѣсто". Все это мы слышали своими собственными ушами. Не поняли только одного: что это за "водрузитъ"? Утромъ гостинная оказалась запертой.

— Чтобы не простудиться; тамъ всѣ окна настежъ, по случаю уборки, — сказала мать. — На нашъ вопросъ мать отвѣтила: "Елки не будетъ — вы уже большіе и, кромѣ того, непослушные".

Съ послѣднимъ доводомъ пришлось согласиться, но мы знали, что мать хочетъ устроить сюрпризъ. Доказательствомъ были зеленыя вѣтви

елки, видѣнныя нами черезъ замочную скважину и запахъ свѣжей морозной хвои.

Отца все не было. Онъ приходилъ со службы въ половинѣ третьяго, а уже начало четвертаго.

— А если папа не придетъ, вечерю придется отложить на завтра? — робко спросилъ я, не будучи въ силахъ утаить безпокойства. Голодъ давалъ себя знать: съ самаго утра никто, кромѣ Шурика, во рту ничего не имѣлъ. Шурикъ же, интересуясь ѣдой меньше, высказалъ болѣе серьезную мысль: что будетъ, если небо закроется тучами и мы не увидимъ, когда взойдетъ "Виѳлеемская звѣзда"? Всезнающій Петя (онъ учился во второмъ классѣ гимназіи и былъ первымъ ученикомъ) успокоилъ насъ: "вечерняя звѣзда появляется около пяти часовъ вечера, и о появленіи этого свѣтила, даже на покрытомъ тучами небѣ, можно узнать по часамъ; если же папа даже и не придетъ, то вечеря всеравно будетъ сегодня, такъ какъ сочельникъ бываетъ разъ въ году — 24 декабря.

— Кажется, папа пришелъ! Но почему чернымъ ходомъ, а не черезъ парадное, — проговорила мать, спѣша въ кухню. Мы бросились за ней.

Отецъ стоялъ у входныхъ дверей: вѣстовой — татаринъ Ахметъ — отряхивалъ снѣгъ съ его шинели.

— Ты почему такъ долго, папа... можетъ что случилось?

— Нѣтъ, задержался съ покупками.

— А это что? — мать указала на оттопыренную на груди отца шинель, которую онъ поддерживалъ рукой.

— Это... это, видишь, я по дорогѣ... — отецъ запустилъ за отворотъ шинели руку и вытащилъ крошечнаго худого рябаго — черное съ бѣлымъ — дрожащаго щенка. Тотъ жалобно запищалъ, жмуря глаза отъ свѣта.

— Около сугроба замѣтилъ его, въ снѣгу. Совсѣмъ замерзалъ. Кто-то выбросилъ.

— Бѣдная собачка! — пожалѣла мать. — Креста на людяхъ нѣтъ!

Обступивши отца, мы съ любопытствомъ разсматривали щенка. Отецъ взялъ его подъ переднія лапы и поднялъ до уровня плечъ.

— Вотъ и подолозный стланикъ! — воскликнулъ Шурикъ, въ восторгѣ захлопавъ въ ладоши.

— Не говори глупостей! Грѣхъ сравнивать собаку со странникомъ, да еще въ рождественскій сочельникъ. Странникомъ можетъ быть только человѣкъ.

— Да-а-а... простая дворняжка. Придется подкормить ее и отдать кому нибудь, — сказалъ отецъ, искоса поглядывая на мать.

— Нехорошо отдать щенокъ, онъ счастье принесетъ, ваше высокоблагородя, — широко улыбаясь, проговорилъ нашъ общій любимецъ Ахметъ.

— Да, я тоже думаю — не стоитъ ее отдавать, — поддержала Ахмета мать. Выкупаемъ, выучимъ, привыкнетъ къ комнатнымъ условіямъ.

— Признаться, я еще по дорогѣ рѣшилъ его оставить, но хотѣлъ,

чтобы хозяйка первая изъявила согласіе, — засмѣялся отецъ. — Нужно скорѣе дать ему молока.

— Молочка, молочка! Дать молочка! — обрадовались мы, услышавъ, что щенка оставляютъ.

— А какъ назовемъ его? — спросилъ Петя.

— Балбосъ... — не замедлилъ Шурикъ.

— Мушкой! — предложилъ я.

— Дѣти, предоставимъ выбрать кличку папѣ. Папа принесъ ее, это папина находка.

— Находка! Находка! Находка! — въ одинъ голосъ закричали мы.

— Что находка? — съ удивленіемъ спросилъ отецъ.

— Назовемъ ее "Находкой", папочка!

— "Находкой"? Гм... "На-ход-кой"... Чтожъ, я согласенъ. Пусть моя находка будетъ "Находкой".

***

Прошло много мѣсяцевъ. "Находка" стала взрослой, рѣзвой, чистоплотной и умной некрупной собачкой. Она хорошо выполняла наши желанія и требованія, не только понимая много словъ, но поразительно правильно угадывая, своимъ чутьемъ, по нашимъ взглядамъ и движеніямъ, что мы съ нея хотимъ или что думаемъ дѣлать. Мы научили ее всякимъ собачьимъ премудростямъ: служить, перепрыгивать черезъ веревку, приносить мячъ, искать спрятанное. Ко всѣмъ членамъ нашей семьи "Находка" очень привязалась, но особенно любила отца. Она подбѣгала къ дверямъ, лаяла и виляла хвостомъ, когда шаговъ его никто изъ насъ еще не слышалъ. Лѣтомъ "Находка" часто ходила съ отцомъ на полевыя занятія, а послѣдней осенью была съ нимъ на двухнедѣльныхъ военныхъ маневрахъ.

Былъ іюль 1914 года. Съ каждымъ днемъ газеты приносили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Однажды, войдя въ гостинную, я увидѣлъ мать сидящую съ Генріэтой на диванѣ. Мать держала въ рукахъ развернутую газету "Биржевыя Вѣдомости" и вполголоса читала. Мнѣ бросилось въ глаза напечатанное на первой страницѣ крупнымъ шрифтомъ: "ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА". Звонокъ. Вошелъ отецъ. Мать съ тревогой бросилась къ нему.

— Да, война. Послѣзавтра наша дивизія уходитъ на фронтъ... — взволнованно проговорилъ отецъ.

— Сегодня нужно собираться. Багажа не больше четырехъ пудовъ, а потому только бѣлье и одежду. Завтра въ пять вечера идетъ послѣдній поѣздъ. Поѣдете къ моимъ. На вокзалъ я васъ провожу.

— А квартира, обстановка? — всплеснула мать руками.

— Все останется на мѣстѣ.

— Что будетъ съ "Находкой"? — спросилъ Петя.

— Заберете ее съ собой, — жалко собаку.

Ошеломленная неожиданностью мать, блѣдная, стояла молча.

— А вы, Генріэта, что думаете дѣлать? — послѣ довольно долгой паузы спросилъ отецъ. — Останетесь тутъ?

— О нѣтъ, нѣтъ! Никогда! Я ѣду съ фрау! — рѣшительно воскликнула дѣвушка нѣмка.

***

Несмотря на то, что мы пріѣхали за часъ до отхода поѣзда, перронъ былъ заполненъ уѣзжающимъ и провожающимъ народомъ. Крики, плачъ, брань и говоръ сотенъ людей, смѣшанный со свистками, лязгомъ желѣза, пыхтѣніемъ и гудками паровозовъ, наполняли воздухъ. Товаро-пассажирскій поѣздъ-эшалонъ уже стоялъ, и происходила посадка. Съ большимъ трудомъ мы пробрались къ своему вагону. Возлѣ него была страшная давка. Невысокій, полный и раскраснѣвшійся отъ чрезмѣрныхъ усилій кондукторъ и усатый жандармъ долго не могли справиться съ людьми, которые, образовавъ въ дверяхъ вагона "пробку", тормозили входъ. Съ помощью отца и Ахмета удалось провести дверьми лишь одну мать. Насъ троихъ просунули въ середину черезъ окно вагона. Отецъ пошелъ сдавать багажъ. Въ вагонѣ было жарко и такъ тѣсно, что о сидячихъ мѣстахъ нечего было и думать. Пришелъ отецъ. Прислонясь къ вагону, онъ неестественно-спокойнымъ голосомъ давалъ матери послѣдніе совѣты и указанія. Мать плакала. Намъ, дѣтямъ, было жалко разлучаться съ отцомъ, но новыя впечатлѣнія и неизвѣстность дальнѣйшей жизни, насъ такъ увлекли, что мы мало придавали значенія прощанью съ отцомъ и ужъ конечно не думали, что видимъ его, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Но вотъ, три удара въ колоколъ, свистокъ, взмахъ зеленаго флажка, далекій гудокъ паровоза и усиливающійся стукъ буферовъ. Вагонъ дернуло, и поѣздъ тронулся. Мы прислонились къ открытому окну. Отецъ отошелъ къ серединѣ перрона и замахалъ фуражкой; сзади него стоялъ Ахметъ — онъ вытиралъ платкомъ глаза. "Находку", которую разрѣшили взять съ собой, такъ какъ багажные вагоны были до отказа забиты вещами, держалъ на рукахъ Петя. Какъ только поѣздъ пошелъ, она, насторожившись, подняла уши и жалобно заскулила. До сихъ поръ "Находка" вела себя спокойно. Она не сводила глазъ съ отца и только изрѣдка, подбрасывая мордочку, лаяла, — какъ бы зазывая его въ вагонъ. Но вотъ поѣздъ отошелъ, а ея хозяинъ почему то остался на перронѣ! Она, вѣроятно, почувствовала, что эта разлука съ отцомъ не кратковременная, а серьезная — длительная, возможно, и вѣчная. Громко взвизгнувъ, "Находка" сильнымъ отчаяннымъ рывкомъ освободилась изъ рукъ Пети и выскочила черезъ окно. Поднявшись, она бросилась стремглавъ къ отцу и заметалась у его ногъ, наполняя воздухъ звонкимъ лаемъ, въ которомъ чувствовалось безграничное собачье счастье. Мы успѣли только замѣтить, какъ отецъ развелъ руками. Поѣздъ сдѣлалъ крутой поворотъ.

***

Итакъ, мы стали бѣженцами. Жизнь рѣзко измѣнилась. Подъ вліяніемъ матери, мы начали перестраивать ее на "аскетическихъ" началахъ: разъ отецъ страдаетъ на фронтѣ, намъ роскошествовать нечего. Проведенъ

былъ отказъ отъ всякаго рода развлеченій. Генріэта оставила насъ и поступила на фабрику, такъ какъ, "возгорѣвшись патріотизмомъ", мы рѣшили не говорить на языкѣ врага. Въ комнатѣ у себя мы повѣсили карту Европы и ежедневно, слѣдя за газетой, обозначали флажками движеніе линіи фронта. Разъ въ недѣлю писали отцу письмо; отъ него получали краткія извѣстія — "живъ и здоровъ". Иногда, когда отецъ имѣлъ возможность, онъ подробно описывалъ свою жизнь, не забывая сообщать о "Находкѣ". "Находка" прошла съ отцомъ, туда и назадъ, всю восточную Пруссію. Мы знали, что теперь находится она съ нимъ гдѣ-то въ районѣ пинскихъ болотъ.

Подходили рождественскіе праздники. Мать собрала отцу посылку. Мы дѣти положили въ нее по подарку: я — дюжину разноцвѣтныхъ свѣчекъ. Отецъ сообщилъ намъ о полученіи посылки и что напишетъ намъ большое письмо въ канунъ Рождества. Но вотъ прошли дни праздниковъ — недѣля, вторая, а письмо не приходило. На наши письма отвѣта не было. Мать сдѣлала запросъ. Когда мы потеряли уже надежду получить отъ отца вѣсточку и считали его погибшимъ, почтальонъ принесъ большой пакетъ. Почеркъ на конвертѣ былъ отцовскій, почтовая печать — "Москва", а штампъ — "Военный госпиталь". Дрожащими руками мать вскрыла конвертъ и нервно забѣгала по письму глазами.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но это письмо запечатлѣлось въ памяти. По содержанію его постараюсь описать то, что случилось.

*
**

"Дорогіе мои...", писалъ отецъ. "Пишу вамъ, какъ обѣщалъ, въ ночь передъ Рождествомъ. Сейчасъ десять часовъ вечера. Вчера мы перешли на новую "квартиру". Тутъ насъ только двое — я и Ахметъ. Землянка малая — зато теплая, безпрерывно топится желѣзная печь, возлѣ которой сейчасъ грѣется наша "Находка". Кстати, она сегодня нервничаетъ и не даетъ мнѣ покоя: взвизгиваетъ, скулитъ и безъ конца просится на дворъ. Вы спрашиваете — есть ли въ землянкахъ какая-нибудь обстановка? Въ моей: двѣ походныя койки, три табурета и сбитый изъ досокъ столикъ, за которымъ я сейчасъ и пишу. Но самое главное и цѣнное, — маленькая елочка на этомъ столикѣ. Ее срубилъ и разукрасилъ разноцвѣтными бумажками Ахметъ. Забылъ написать вамъ: Ахметъ былъ раненъ въ руку, но въ лазаретъ не пошелъ, — не хотѣлъ оставить меня одного. Руку онъ еще носитъ въ повязкѣ. На елочкѣ только пять изъ вашихъ свѣчекъ. Почему только пять? Вѣдь насъ пятеро: мы съ мамой, да вы, дѣти! Зажгу ихъ въ двѣнадцать ночи и буду вспоминать всѣхъ васъ. Такъ хотѣлось бы быть вмѣстѣ, дома! Вотъ уже двѣ недѣли у насъ затишье, если не считать ружейной перестрѣлки. Нѣмцы праздновали Рождество, — мы имъ не мѣшали; можетъ, и они будутъ столь благородны, что дадутъ намъ спокойно провести наши праздники. Не волнуйтесь! Богъ дастъ, кончится война, я вернусь домой и мы заживемъ прежней жизнью."

Въ это время "Находка" вскочила, взъерошила шерсть и, глядя на отца, залаяла. "Меня зовутъ; минутъ черезъ пять приду и кончу письмо",

— дописалъ отецъ, сложилъ листокъ и сунулъ его въ боковой карманъ. Когда онъ подошелъ къ печкѣ и снялъ кипящій чайникъ. "Находка" бросилась къ выходу.

— Что это ты сегодня разгулялась? Полъ часа тому назадъ выпускалъ. Ну, иди! — Не успѣла захлопнуться дверь, какъ собака зацарапалась назадъ.

— Что жъ ты хочешь? — Отецъ впустилъ ее и отнесъ къ печи. — Лежи и спи! Но "Находка" не легла. Она стала бросаться на него, рыча и скаля зубы; потомъ подбѣжала снова къ дверямъ, вытянула вверхъ голову и протяжно завыла. Въ голосѣ ея чувствовалось какое-то безграничное отчаяніе, что ее не понимаютъ.

— Бѣду накликаешь! Замолчи! — По тѣлу у отца прошелъ ознобъ. — А можетъ, хочешь со мной? Ну, пойдемъ. Померзнешь на дворѣ — успокоишься.

Надѣвъ шинель и папаху, отецъ съ собакой поднялся наверхъ. Послѣ свѣта — ночь казалась темнѣе. Пошли къ ближайшему пню. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами — морозъ. Кругомъ на полянѣ еще пни, поваленныя деревья, сучья. Тянетъ дымкомъ отъ сосѣднихъ заснѣженныхъ, невидимыхъ, блиндажей. Справа и слѣва темнѣетъ стѣна лѣса, впереди наши окопы, а за ними — нѣмцы. Оттуда слышны глухіе, какъ звуки бумажныхъ хлопушекъ, рѣдкіе ружейные выстрѣлы. Смахнувши снѣгъ, отецъ присѣлъ на пень; "Находка" легла, умостившись на краюшкѣ его шинели. Въ молодости отецъ плавалъ на морѣ, онъ имѣлъ спеціальное мореходное образованіе, хорошо зналъ карту неба и часто любилъ разсматривать его. И теперь тоже отецъ окинулъ взоромъ небосводъ. Вспомнилось любимое стихотвореніе:

Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь темна, пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Небо было чисто. Миріады звѣздъ разсыпались въ темно-синей, почти черной, безднѣ. Неровной волнистой туманностью расплылся Млечный путь. Сразу въ глаза бросился опрокинутый ковшъ Большой Медвѣдицы; выше него, крайняя въ ручкѣ Малой Медвѣдицы, мерцала слабо замѣтная, но знаменитая — звѣздочка Полярная. Немного въ сторону — четырехугольная "заплатка" созвѣздія Лиры и крупная блестящая Вега. Отецъ задумался: "Небеса хвалятъ новорожденнаго Христа чудной ангельской пѣснью: — Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе . . . — А мы на землѣ! . . Какъ то мои? Имъ — бѣднымъ тоже праздникъ не въ праздникъ . . . А мы съ тобой "Находка" — ужъ настоящіе бездомные . . .

— Нѣтъ пойду . . . надо смотрѣть, что полковникъ дѣлаетъ, — донесся изъ мрака голосъ.

"Хорошій человѣкъ Ахметка, словно братъ родной", — подумалъ отецъ и взглянулъ на часы: "безъ пяти двѣнадцать".

— Пойдемъ "Находка", зажжемъ елочку, — Онъ всталъ.

"Находка" вскочила и какъ-то растерянно заглянула отцу въ глаза. Хвостъ она поджала подъ себя, тѣло ея сильно дрожало.

Вдалекѣ взвилась ракета. Вдругъ оглушительный взрывъ, взметнувшій къ небу столпъ — огня, снѣга, земли, камня и дерева, — потрясъ воздухъ и отдался раскатистымъ эхомъ въ глубинахъ лѣса. Къ мѣсту бѣжали Ахметъ и солдаты.

Возлѣ пня, раскинувши руки, лежалъ на спинѣ отецъ. Рядомъ съ нимъ, — выпучивъ глаза, на которыхъ застыла тоска по жизни, съ вывороченными кишками изъ распоротаго осколкомъ снаряда брюхомъ, — въ кровавомъ снѣгу лежала "Находка". Она была убита наповалъ. На мѣстѣ землянки-блиндажа, въ которомъ полъ часа тому назадъ сидѣлъ отецъ, зіяла глубокая яма — воронка.

Отецъ былъ тяжело контуженъ въ голову, но остался живъ. Письмо, начатое въ Рождественскую ночь, отецъ окончилъ въ военномъ госпиталѣ въ Москвѣ.

Григорій Гагаринъ.

*

* *

Тишина въ укромной келейкѣ,
Мягко свѣтится лампада...
Сердцу чистому такъ радостно —
Ничего ему не надо.

Слава, почести, богатство
Не влекутъ за эти стѣны
Ни страстей борьба тяжелая,
Ни лукавыя измѣны.

Предъ иконой Божіей Матери
Опустился на колѣни.
По стѣнамъ мерцаютъ, движатся
Отъ лампады свѣтлой тѣни...

Вѣетъ миромъ и любовью,
Несказанной вѣетъ благостью.
Тишина въ укромной келейкѣ, —
Неземною дышетъ сладостью...

Е. П.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе и страданія св. великомученицы Варвары.

Память 4-го декабря.
Пострадала около 306 года по Р. Х.

Св. великомученица Варвара родилась въ городѣ Иліополѣ, который находился въ Финикіи. Финикійцы поклонялись небеснымъ свѣтиламъ. Солнце и мѣсяцъ они считали богами. Въ то время царствовалъ злой гонитель христіанъ — императоръ Максиміанъ.

Отецъ св. великомученицы Варвары былъ знатнымъ и богатымъ гражданиномъ. Звали его — Діоскоръ. Онъ былъ язычникомъ. Мать св. велокомученицы Варвары умерла совсѣмъ молодой. Діоскоръ послѣ смерти жены оберегалъ единственную дочку какъ зѣницу ока. Св. Варвара была рѣдкой, необычайной красоты. Діоскоръ говорилъ: «Недостойны люди глядѣть въ лицо моей дочери». Онъ построилъ высокую башню и поселилъ въ ней св. Варвару, приставивъ къ ней множество нянекъ и рабынь.

Душа св. отроковицы была еще прекраснѣе ея лица. Душа ея была нѣжна и благоуханна. Еще не зная Господа, св. Варвара жадно искала Его. По ночамъ ей не спалось. Святая распахивала высокія окна своей башни. Чистыя Божіи звѣзды смотрѣли ей въ очи. Онѣ знали какую-то тайну, великую тайну, но молчали. «О свѣтлыя звѣзды, Кто, Кто васъ создалъ?» — вопрошала св. Варвара. Звѣзды молчали... Таинственны были лунныя ночи. Онѣ проникали синимъ сіяніемъ въ тихую, одинокую башню.

«О, мѣсяцъ, мѣсяцъ, Кто создалъ тебя?» — вопрошала святая. Мѣсяцъ медленно, торжественно плылъ въ синей выси и молчалъ. Тихая ночь протекала. Свѣтлѣло. Показывало свой сіяющій ликъ Господне солнце.

«О, солнце, солнце, Кто создалъ тебя?» — спрашивала св. отроковица. Солнце радостно сверкало. Заливались Божіи пташки, славословя Создателя своего. Святой Варварѣ, вмѣстѣ съ солнцемъ, вмѣстѣ съ птицами, хотѣлось прославлять невѣдомаго Творца вселенной...

Святая Варвара любовалась садами, дубравами, горами, тихими водами. Больше всего она все же любила Божіе небо. «Кто сотворилъ тебя, прекрасное небо? Кто зажегъ пылающее солнце? Плавное, лунное теченіе, украшеніе звѣздное? Кто создалъ облака и тучи, бури и могучее дыханіе вѣтровъ? Кто заставилъ сверкать молнію, рокотать громъ? Кто?» — вопрошала она нянекъ и рабынь. «Чья рука создала красоту земную, безмятежныя поля и вертограды? Чья рука воздвигла горныя вершины? Чья рука простерла синія моря, быстротекущія рѣки, тихія озера? Чья, Чья эта могучая рука?»

Няньки и рабыни отвѣчали: «Создали все, что ты видишь, золотые, серебряные и каменные наши боги». Усмѣхнулась святая и премудро отвѣтила: «Нашихъ золотыхъ и каменныхъ боговъ сдѣлали наши мастера. Они не могутъ ходить ногами и двигать руками. Какъ могли они создать пресвѣтлую высоту небесную и всю красу земную?»

Однажды звѣздною ночью глядя на небо, вновь вопросила она: «Кто Ты, Кто Ты, сотворившій непостижимое, таинственное небо?» И вдругъ, — о Божье чудо! — какъ на душѣ стало тепло, какъ все стало свѣтло, какъ радостно! Она вдругъ поняла, что Господь, Единый, Невидимый Господь создалъ ея любимое небо. Это Онъ зажегъ пылающее солнце, затеплилъ кроткія звѣзды и ясный мѣсяцъ. Это Онъ Своею сильною рукою воздвигъ крутыя горы, простеръ долины и зеленые луга, возрастилъ лѣса, благоуханные цвѣты и травы. Его славословятъ на утренней зарѣ радостныя пташки. О Творцѣ шептали звѣзды, возвѣщало радостное солнце, о Немъ говорилъ и свѣтлый мѣсяцъ.

Въ одинокой тихой башнѣ стала жить святая словно птица небесная. Ея крылья были — любовь Божественная. На сіяющихъ бѣлыхъ крыльяхъ любви парила она надъ землею, размышляя о Богѣ.

Однажды пришелъ къ ней въ башню отецъ ея, Діоскоръ и повѣдалъ, что пора ей выходить замужъ. Многіе знатные и богатые юноши ищутъ ея руки.

Содрогнулась св. Варвара. Она сказала отцу: «Если ты принудишь меня выйти замужъ, я убью себя!» Діоскоръ испугался.

Онъ до времени рѣшилъ не уговаривать свою святую дочь. Онъ долженъ былъ уѣхать по дѣлу въ дальній путь. Передъ отъѣздомъ приказалъ онъ строителямъ воздвигнуть въ саду новую купальню-баню и красиво ее разукрасить. На полуденную сторону велѣлъ прорубить въ ней два окна. Дочери своей онъ разрѣшилъ выходить изъ своей уединенной башни. Думалъ отецъ: «Увидитъ она, что всѣ молодыя дѣвушки выходятъ замужъ и сама пойметъ, что нехорошо отказывать женихамъ».

Уѣхалъ Діоскоръ. Святая дѣва свободно стала выходить изъ своей башни. Встрѣтилась она съ дѣвушками-христіанками. Услышала отъ нихъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, о Спасителѣ міра — и возвеселилась чистымъ сердцемъ. Разсказали ей дѣвушки о Пречистой Дѣвѣ Маріи, о рожденіи Сына Божія, о Его жизни, о страданіяхъ, о смерти крестной, о радостномъ Воскресеніи. Разсказали о будущей мукѣ грѣшниковъ и о блаженствѣ праведныхъ.

Святая возлюбила Сына Божія всѣмъ сердцемъ и пожелала креститься. По Божіей волѣ въ это самое время прибылъ изъ Александріи священникъ, переодѣтый купцемъ. Узнала святая о немъ, призвала къ себѣ, и онъ тайно окрестилъ ее.

День и ночь стала молиться святая. День и ночь призывала она сладчайшее Имя Божіе. Обѣщала ради нашего Спаса остаться дѣвою.

Однажды вошла она въ строющуюся баню, увидѣла два окна и повелѣла работникамъ: «Прорубите три окна». Во Имя Святой Троицы повелѣла святая прорубить эти три окна.

«Намъ приказалъ отецъ твой прорубить только два окна» — сказали работники. — «Я передъ отцемъ отвѣчу за васъ», — отвѣтила святая.

Работники послушались ее. Подошла святая къ каменному бассейну и начертала на мраморѣ знакъ креста: словно на мягкомъ воскѣ начертался крестъ. Ступила однажды святая на камень близъ купальни, и остался на камнѣ, какъ на пескѣ, слѣдъ ея стопы, — потекла изъ стопы той вода, и многіе больные исцѣлялись впослѣдствіи этой водою.

Вернулся домой Діоскоръ. Подойдя къ строющейся банѣ, увидѣлъ онъ три окна.

« — Такъ намъ повелѣла твоя дочь», — сказали строители. Позвалъ Діоскоръ святую Варвару и спросилъ: « — Зачѣмъ ты приказала устроить въ банѣ третье окно?»

« — Ты повелѣлъ, отецъ мой, прорубить два окна въ честь двухъ свѣтилъ небесныхъ, солнца и луны, — а я велѣла третье устроить во имя Пресвятой Троицы».

Удивился отецъ отвѣту. Дочь показала ему затѣмъ знакъ креста, начертанный на камнѣ, и разсказала о Сынѣ Божіемъ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и о Пресвятой Троицѣ.

Тутъ Діоскоръ понялъ, что дочь его вѣруетъ въ Распятаго Господа. Внѣ себя отъ гнѣва, онъ выхватилъ мечъ и хотѣлъ ударить имъ свою единственную дочь. Побѣжала она отъ разъяреннаго отца. Словно волкъ за кроткою, беззащитною овечкою погнался за нею Діоскоръ. Вотъ, вотъ онъ уже готовъ настигнуть ее. Передъ невѣстою Христовою стѣною встала высокая гора, — некуда было бѣжать. Внезапно открылась гора, и святая Варвара скрылась въ образовавшуюся разсѣлину, взошла на вершину горы и спряталась тамъ въ каменной пещерѣ. Діоскоръ понять не могъ: куда скрылась его дочь. Онъ увидѣлъ двухъ пастуховъ и спросилъ ихъ, — не видѣли-ли они дочери его?

Одинъ пастухъ оказался добрымъ человѣкомъ. Хотя онъ и видѣлъ, что святая спряталась въ пещерѣ, но хотѣлъ скрыть ее отъ яростнаго отца и отвѣтилъ: «Нѣтъ, я не видѣлъ ея». А другой пастухъ молча указалъ пальцемъ на пещеру. Господь наказалъ злого человѣка. Онъ мгновенно обратился въ каменный столбъ.

Діоскоръ ворвался въ пещеру. Онъ нещадно билъ свою дочь, а потомъ со страшною силою поднялъ ее и ударилъ о скалу. За волосы повлекъ онъ ее домой по острому каменистому пути, израненную, избитую. Онъ затворилъ ее въ темной, маленькой комнатѣ, и сталъ морить голодомъ и жаждою, а затѣмъ отдалъ начальнику той страны, злому Мартіану, чтобы онъ мучилъ дочь его, если она не поклонится богамъ.

Сначала Мартіанъ сталъ тихо и кротко уговаривать святую поклониться богамъ.

«Я восхваляю Бога моего и готова себя принести Ему въ жертву. Мой Господь создалъ небо и землю — а твои боги ничего не сотворили. Ихъ самихъ изъ золота и серебра дѣлаютъ люди, — премудро сказала Невѣста Христова.

Разгнѣвался игемонъ. Въ ярости приказалъ обнажить святую и жестоко избивать крѣпкими воловьими жилами. Многіе часы истязали святую, разсѣкали до костей святое тѣло. Струилась кровь потоками. Стали тереть раны жесткими, колючими тканями, скребли острыми черепицами.

Не застонала даже св. великомученица, съ радостью терпѣла страшныя муки ради Небеснаго Жениха своего.

Растерзанную, полуживую бросили ее въ темницу. Св. великомученица молилась и шептала: «Не оставь меня, Господи Боже мой!»

Наступила полночь. Яркій свѣтъ озарилъ темницу. Почувствовала страдалица въ сердцѣ страхъ и радость: «Господь приближается!» Царь славы явился въ неизреченной славѣ и сіяніи: — «Не бойся, Я съ тобою!» — прозвучалъ голосъ Божій. — «Я смотрю на твой подвигъ. Терпи до конца. Скоро будешь въ Моемъ царствѣ!»

Господь исцѣлилъ св. великомученицу Варвару отъ всѣхъ ея страшныхъ ранъ и сталъ невидимъ. О, какъ радовалось сердце святой. О, какъ утѣшилъ ее Милосердный Господь!

Страданія св. великомученицы видѣла одна благочестивая женщина, по имени Іуліанія. Она часто заглядывала въ оконце темницы и удивлялась, какъ такая юная и слабая дѣва кротко терпитъ невыразимыя муки за Сына Божія. Когда снова повели святую Варвару къ начальнику, Іуліанія издалека послѣдовала за нею. Начальникъ очень удивился, увидѣвъ св. великомученицу совершенно здоровой, а лицо ея сіяющимъ какъ солнце. — «Это тебя исцѣлили наши боги, благодари ихъ», сказалъ игемонъ. — «Меня исцѣлилъ Господь Мой Іисусъ Христосъ — отвѣтила святая.

И повелѣлъ начальникъ въ злобѣ своей повѣсить святую на дерево и тѣло ея строгать желѣзными когтями и горящими свѣчами опалять ей ребра. Били ее по головѣ тяжелымъ молоткомъ. Іуліанія стояла въ толпѣ, видѣла муки св. Варвары и горько, горько плакала. Сердце ея возмутилось, и она стала безбоязненно укорять мучителя. Ее спросили, какой она вѣры. — «Я — христіанка», смѣло отвѣтила святая Іуліанія. Ее повѣсили на дерево вмѣстѣ со святой Варварою и начали также строгать тѣло ея желѣзными гребнями. Святая Варвара подняла очи къ небу и стала молиться Господу, чтобы Онъ укрѣпилъ въ страданіяхъ и ее и Іуліанію. Милосердный Господь укрѣпилъ въ ихъ лютыхъ мукахъ обѣихъ святыхъ мученицъ, и радостно переносили онѣ жестокія страданія.

Чѣмъ больше терпѣли страдалицы, тѣмъ въ большую ярость приходилъ мучитель. Онъ приказалъ отрѣзать имъ груди. Св. Іуліанію, истекавшую кровью, велѣлъ мучитель бросить въ темницу, а св. Варвару, нагую, приказалъ водить по городу на поруганіе. И воззвала святая: «О, Ты, Который одѣваешь небо облаками, землю покрываешь мглою, покрой мою наготу, чтобы нечестивые люди не видѣли меня обнаженной и не смѣялись надъ рабою Твоею!» И Спаситель послалъ Свѣтлаго Ангела со свѣтящеюся одеждою, чтобы покрыть наготу великомученицы. И никто уже болѣе ее не видѣлъ обнаженной.

Никакими пытками не могъ начальникъ отвратить святыхъ мученицъ отъ вѣры во Христа. Наконецъ, мучитель повелѣлъ отсѣчь имъ главы. Отецъ святой Варвары самъ повелъ дочь свою на казнь. Одною рукою велъ онъ святую, а другою держалъ мечъ.

Св. Варвара тихо молилась. Она просила Господа, чтобы послѣ ея смерти, каждый человѣкъ, который будетъ вспоминать ея муки, былъ бы избавленъ отъ внезапной смерти. Когда она такъ молилась, въ небесахъ прозвучалъ голосъ Божій: Господь призывалъ въ царство Небесное святыхъ мученицъ и обѣщалъ святой Варварѣ исполнить ея просьбу.

Св. великомученицѣ Варварѣ отецъ ея самъ отсѣкъ главу, а святой Іуліаніи — воинъ. Въ радости великой отлетѣли ихъ свѣтлыя души къ Небесному Жениху.

Въ скоромъ времени начальникъ Мартіанъ и Діоскоръ были убиты молніей — получили должное наказаніе отъ Вѣчнаго Праведнаго Судіи — и отошли на вѣчныя муки за свои страшныя, злыя дѣла.

Святыя мученицы погребены были однимъ благочестивымъ человѣкомъ, который воздвигъ надъ ихъ гробницею прекрасную церковь. Мощи святыхъ мученицъ исцѣляли многихъ больныхъ благодатію Отца и Сына и Святаго Духа, Единаго въ Троицѣ Бога, Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О честныхъ мощахъ св. великомученицы Варвары.

Мощи св. великомученицы Варвары почивали въ славномъ городѣ Кіевѣ, въ прекрасной обители Михайловской, носящей названіе «Златоверхой». Какъ эти мощи оказались на Руси Святой?

Святополкъ Михаилъ князь Кіевскій, правнукъ великаго князя Владиміра Святого, былъ женатъ на греческой царевнѣ, которую звали Варварою. Дочь Греческаго царя Алексѣя Комнина, уѣзжая въ Землю Русскую, умолила отца, дать ей съ собою мощи св. великомученицы Варвары. Князь Михаилъ воздвигъ чудную каменную церковь въ честь своего небеснаго заступника, святого Архистратига Михаила, и положилъ въ этомъ храмѣ честныя мощи св. великомученицы Варвары. Когда Русь Святую опустошилъ татарскій царь Батый, святыя мощи были скрыты подъ храмомъ. Черезъ много лѣтъ, во времена мирныя св. мощи великом. Варвары снова были поставлены въ церкви. Неисчислимыя чудеса происходили отъ нихъ. Вотъ немногія изъ нихъ.

Въ 1640 г. архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ въ церкви Михайловской объявилъ, какъ онъ, будучи тяжело больнымъ, получилъ мгновенное исцѣленіе, когда съ глубокою вѣрою выпилъ воду, въ которой была омочена рука св. великомученицы Варвары. Въ 1655 году пришелъ одинъ Божій человѣкъ изъ города Слуцка. Онъ принесъ серебряную руку и просилъ повѣсить ее у чудотворныхъ мощей св. великомученицы Варвары. Онъ повѣдалъ, что у него долго сильно болѣла рука. Наконецъ, онъ не могъ ее уже разогнуть. «Я сталъ горячо молиться св. великом. Варварѣ, чтобы она исцѣлила мою руку и далъ обѣщаніе придти поклониться ея святымъ мощамъ. И, о чудо Божіе! Великая святая услышала мою слезную мольбу. Больная рука выпрямилась и стала вполнѣ здоровой. Вотъ почему я рѣшилъ сдѣлать серебряную руку и приношу ее въ память этого чуда».

Игуменъ обители іеромонахъ Ѳеодосій разсказываетъ: «Во время междоусобной войны въ 1660 году я очень страдалъ, что моя братія голодаетъ и въ скорби заснулъ. Вдругъ вижу: нахожусь я возлѣ раки, гдѣ почиваютъ мощи св. великомученицы. Смотрю и удивляюсь; Святая вся залита оливковымъ масломъ, вся рака наполнена имъ. Вдругъ обращается ко мнѣ Невѣста Христова: «Не смущайся! Я съ вами!» Проснулся я и сталъ размышлять о чудесномъ видѣніи . . . Масло означаетъ милость. Поможетъ намъ св. великомученица Варвара, и не будетъ моя братія голодать. И такъ и было. Молитвами св. великом. Варвары послалъ намъ Милосердный Господь необходимую пищу для жизни — въ изобиліи».

Въ 1666 году Рождественскимъ постомъ, въ который празднуется память св. великом. Варвары, декабря 4-го два воина, Андрей и Ѳеодоръ, обратили вниманіе на драгоцѣнныя украшенія

на мощахъ св. великом. Варвары. Безчестные воины сговорились украсть драгоцѣнности. Ночью они отмычками открыли двери церковныя и устремились къ святымъ мощамъ. Внезапно раздался страшный раскатъ грома. Отъ раки посыпались на ихъ лица огненныя искры. Воины упали отъ страха на полъ, потерявъ сознаніе. Одинъ изъ нихъ оглохъ, другой потерялъ разсудокъ и сдѣлался бѣсноватымъ. Придя въ чувство первый вывелъ изъ церкви своего сумасшедшаго друга. Онъ заперъ врата храма и отвелъ его домой. Черезъ семь дней глухой грабитель пришелъ въ Свято-Михайловскую обитель со своимъ обезумѣвшимъ пріятелемъ на исповѣдь къ своему духовнику, отцу іеромонаху Сѵмеону. Онъ горько каялся въ своемъ страшномъ грѣхѣ. Іеромонахъ Сѵмеонъ повѣдалъ игумену Ѳеодосію о происшедшемъ дивномъ чудѣ.

Одинъ воинъ въ 1669 году пришелъ къ честнымъ мощамъ и умиленно повѣдалъ пономарю и многимъ людямъ, бывшимъ въ то время возлѣ раки, слѣдующее: «Чудеснымъ образомъ спасла меня отъ смерти св. славная великом. Варвара. Ѣхали мы по лужайкѣ. Вдругъ напали на насъ татары, полонили всѣхъ. Одинъ я избѣжалъ плѣна. Я сталъ отъ всей души благодарить Господа за великое чудо. Скорбѣлъ я о моихъ друзьяхъ полоненныхъ. Вдругъ предстала св. великом. Варвара въ томъ же одѣяніи, въ томъ же вѣнцѣ, въ которыхъ покоится здѣсь. Св. великомученица сказала мнѣ: «Знай, человѣкъ, я мученица Варвара, которая спасла тебя отъ враговъ». Вотъ я и пришелъ къ честнымъ ея мощамъ въ благодарность за избавленіе отъ плѣна и чтобы повѣдать Божіимъ людямъ объ этомъ преславномъ чудѣ.»

Въ 1670 году одинъ Кіевлянинъ по имени Іоаннъ Райца тяжело заболѣлъ. Болѣзнь усиливалась. Онъ вспомнилъ, что св. великомученица Варвара исцѣляетъ больныхъ. Не могъ онъ дойти до Свято-Михайловскаго храма. Онъ просилъ близкихъ принести оттуда святой воды, которою обыкновенно обливали руку св. великомученицы Варвары и давали выпить болящимъ. Пока Іоаннъ дожидался этой святыни, онъ сталъ очень страдать отъ высокой температуры, мучиться отъ нестерпимой жажды. Родные умоляли Іоанна выпить простой воды, т. к. его языкъ ссыхался, горѣлъ огнемъ. Но больной отвѣчалъ: «Хотя бы я и умеръ отъ жажды — все же буду ждать цѣлебную воду отъ руки св. великомученицы Варвары!» Такова была крѣпкая вѣра этого страждущаго человѣка! Больной дождался святой воды, горячо помолился и принялъ эту святыню. Онъ спокойно заснулъ. Мирно спитъ Іоаннъ и видитъ: невѣдомою силою перенесенъ онъ въ церковь Свято-Михайловской обители. Стоитъ передъ нимъ прекрасная дѣвица, сіяющая красою небесною, и говоритъ: «Человѣкъ, знаешь ли ты кто я?» — «Не знаю», отвѣчаетъ Іоаннъ. — «Такъ знай, что я мученица Варвара. Многіе люди не вѣрятъ, что это дѣйствительно мои мощи находятся въ этомъ храмѣ. Знай же ты и всѣмъ раз-

сказывай, чтобы не сомнѣвались, что здѣсь почиваютъ именно мои мощи. И вотъ тебѣ и другимъ людямъ удостовѣреніе: съ этого момента ты уже здоровъ!» Произнесла эти радостныя для болящаго слова св. великом. Варвара и легла въ свою богато украшенную раку... Іоаннъ проснулся здоровымъ. Онъ поспѣшилъ въ Свято-Михайловскій монастырь поклониться мощамъ и повѣдалъ о чудѣ о. іеромонаху Ѳеодосію, который былъ его роднымъ старшимъ братомъ.

Божіимъ попущеніемъ въ городѣ Кіевѣ свирѣпствовала моровая язва. Началась эта болѣзнь съ марта 1710 года и кончилась только въ январѣ 1711 года. Болѣли и мірскіе люди и монашествующіе. И только въ одной Свято-Михайловской ни одинъ изъ иноковъ не заболѣлъ, когда кругомъ умирали люди, скошенные этою заразною болѣзнію. Молитвами св. великомученицы Варвары всѣ монахи остались здоровы. Такъ Господь снова показалъ всѣмъ людямъ, что въ Свято-Михайловскомъ монастырѣ дѣйствительно находится эта великая святыня.

Нельзя перечислить всѣхъ чудесъ, которыя происходили отъ св. цѣлебныхъ мощей св. великом. Варвары. Только немногія изъ нихъ были записаны во славу Божію и въ прославленіе этой славной святой.

М. В.

СКАЗАНІЕ О ЕЛОЧКѢ.

Къ Виѳлеемской пещерѣ, гдѣ въ ясляхъ лежалъ Божественный Младенецъ, пришло поклониться все, что жило и расло на землѣ.

Пришли звѣри, прилетѣли птицы, приползли гады, принеслись на легкихъ крыльяхъ разноцвѣтныя бабочки.

Въ эту великую ночь все въ мірѣ забыло свою вражду, все объединилось въ единомъ стремленіи поклониться родившемуся Христу.

Вся равнина передъ Виѳлеемской пещерой ожила и задвигалась. Сплошной стѣной шли звѣри. Впереди, тяжело ступая, шелъ слонъ. Между старымъ львомъ и хищнымъ тигромъ, опустивъ тупые рога, семенила корова. Бокъ о бокъ съ волками спѣшили овцы. Рядомъ съ гордыми орлами летѣли кроткія ласточки. Шелестя по песку, извиваясь гибкими тѣлами, ползли змѣи. Все это подходило, подползало, подлетало къ яслямъ и склоняло голову передъ Сыномъ Божіимъ.

Вслѣдъ за звѣрями, пришли поклониться Младенцу Христу

деревья и цвѣты. Розы и незабудки, одуванчикъ и лиліи склонились передъ Іисусомъ Христомъ и Его Пречистой Матерью; и всѣмъ имъ одинаково и ласково улыбался Божественный Младенецъ. Вотъ склонились передъ Нимъ стройныя пальмы и тихо отошли въ сторону, давъ мѣсто бѣлоствольмъ березкамъ. Столѣтній дубъ склонилъ передъ яслями свою могучую голову.

...Съ холоднаго сѣвера, изъ далекой Россіи спѣшила къ Виѳлеемской пещерѣ зеленая елочка. Дальше другихъ отъ Виѳлеема была ея родина. Глубокими снѣгами черезъ высокіе сугробы пробиралась она, и все спѣшила, все боялась, что собьется съ пути. Виѳлеемская звѣзда и ей указала дорогу.

Послѣдніе деревья зашли въ пещеру. Слѣдомъ за ними зашла и елочка и потихоньку стала пробираться къ яслямъ. Недовольно зашумѣли деревья: «Куда лѣзешь, колючая, — сердито сказала пальма, — своими иголочками ты можешь уколоть Дитя». «Ты вся въ снѣгу, — зашумѣлъ вязъ, — ты можешь простудить Младенца». «Пошла вонъ, и не подходи близко къ пещерѣ, холодное и колючее дерево», — грубо сказалъ тополь. И они выгнали изъ пещеры усталую елочку.

Отошла въ сторону бѣдная елочка, закрылась зелеными вѣтками и заплакала горько, горько. И никто не подошелъ, никто не утѣшилъ огорченную елочку.

«Она могла простудить Младенца Христа, смотрите сколько на ней снѣга», — шептались между собой звѣри. «Простудить и уколоть, — взгляните, сколько на ней иголокъ», — скрипучимъ голосомъ сказалъ крокодилъ; и только сѣрый заинька печально вздохнулъ: «Бѣдная елочка, ей тоже хотѣлось поклониться Младенцу Христу».

Уже всѣ деревья поклонились Спасителю, но еще стояли передъ яслями, любуясь Божественнымъ Младенцемъ.

«Кто-то плачетъ, — прислушиваясь, сказала Пречистая Дѣва, — кого-то обидѣли въ эту святую ночь.» Деревья молчали. «Кто-то плачетъ около пещеры», — повторила Божія Матерь и встала со своего мѣста. Деревья разступились, давая Ей дорогу и смущенно опустили вѣтви, имъ стало стыдно, что они обидѣли елочку.

Божія Матерь вышла изъ пещеры и оглядѣлась. Прислонившись къ молчаливому камню, горько плакала елочка, около нее на заднихъ лапкахъ сидѣлъ сѣрый зайка и сочувственно шевелилъ ушками. «О чемъ ты плачешь, елочка?» — спросила Божія Матерь. «Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣтила елочка, — я такъ торопилась, такъ хотѣла поклониться новорожденному Христу, а меня... — тутъ елочка заплакала еще сильнѣе, — меня не допускаютъ даже подойти къ пещерѣ, чтобы хоть издали поклониться Младенцу. Они говорятъ, что я холодная, что я могу «уколоть или просту-

дить Христа». «Кто они?» — спросила Божія Матерь: звѣри опустили глаза, а деревья закрылись вѣтками — всѣмъ было стыдно.

«Они были неправы, — сказала Божія Матерь, — всѣхъ кто приходитъ поклониться Сыну Божіему, всѣхъ надлежитъ допускать къ Нему. Пройди и поклонись Іисусу Христу.» «Но я холодная, — робко сказала елочка, — я могу простудить Младенца Христа». «Всѣхъ, кто приходитъ поклониться Іисусу Христу съ чистымъ сердцемъ, всѣхъ надлежитъ допускать къ Нему, повторила Божія Матерь, — иди, елочка, и поклонись Сыну Божіему, не бойся, ты не простудишь Его».

Робко двинулась елочка къ пещерѣ. Виновато разступились деревья, пропуская счастливую елочку къ яслямъ, гдѣ лежалъ Божественный Младенецъ. Привѣтливо искрился снѣжокъ на елочкиныхъ вѣткахъ, ласково поблескивали сосульки, а надъ верхушкой елки горѣла яркая Виѳлеемская звѣзда, заливая пещеру прозрачнымъ зеленоватымъ свѣтомъ. Увидѣлъ Младенецъ Христосъ красавицу елочку, протянулъ къ ней ручки и весело заулыбался — понравилась Ему разукрашенная елочка. Ласково улыбнулась Божія Матерь, — Видишь, елочка, сколько радости принесла ты въ пещеру. Приноси же всегда радость дѣтямъ, разукрашенная елочка. Пусть праздникъ рожденія Младенца Христа станетъ и твоимъ праздникомъ, и пусть каждый годъ въ день Рождества Христова украшаютъ для дѣтей твои зеленыя вѣтви, а на вершинѣ твоей пусть горитъ золотая звѣзда въ память Виѳлеемской ночи и звѣзды, что привела тебя къ яслямъ Христа Спасителя». Сказала и умолкла. И склонились передъ елочкой другія деревья.

Съ тѣхъ поръ стала называться елочка Рождественскимъ деревомъ, и украшаютъ ее для маленькихъ ребятишекъ въ день Рождества Христова.

Сообщила **Наталія Прокоповичъ.**

Училище благочестія

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

Роса.

По синему, безоблачному небу, въ прекрасный лѣтній день, великолѣпное свѣтило совершало обычный путь свой. Горѣли златые кресты соборнаго, пятиглаваго храма, воздвигнутаго во славу Всесвятыя Богоначальныя Троицы; сребристые купола его отраступленіе десятаго часа, въ который обыкновенно начинается Божественная Литургія. Многочисленныя толпы народа спѣшили отъ большой дороги въ мирную обитель иноковъ: день былъ воскресный, или праздничный — не помню.

За оградою того монастыря, къ восточной сторонѣ, лежитъ обширный лугъ. Тогда онъ былъ покрытъ густою, нѣжною травою, разнородными дикими цвѣтами, которые цвѣли и благоухали безпечно на свободѣ и привольи. Въ тотъ день упала на него обильная роса. Безчисленныя ея капли виднѣлись на каждомъ цвѣткѣ, на каждомъ стебелькѣ и мелкомъ листочкѣ, а въ каждой каплѣ изображалось съ отчетливостью солнцѣ; каждая капля испускала лучи, подобные лучамъ солнца. Лугъ имѣлъ видъ широко-постланнаго бархатнаго ковра, на которомъ по яркой, гусотй зелени роскошная рука разсыпала безчисленное множество разноцвѣтныхъ драгоцѣнныхъ камней съ превосходнымъ отливомъ, игрою, съ лучами и сіяніемъ.

Въ то время священно-инокъ, готовившійся къ совершенію Божественной Литургіи, вышелъ съ глубокою думою изъ боковыхъ, уединенныхъ воротъ монастыря *), и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился предъ лугомъ обширнымъ. Тихо было у него на сердцѣ; тишинѣ сердца отвѣчала природа вдохновенною тишиною, тою тишиною, которою бываетъ полно прекрасное утро іюня, которая такъ благопріятствуетъ созерцанію. Предъ глазами его — солнце на лазуревомъ, чистомъ небѣ, и безчисленные отпечатки солнца въ безчисленныхъ капляхъ росы на лугу обширномъ. Мысль его терялась въ какой-то безконечности, — умъ былъ безъ мысли, какъ-бы нарочно приготовленный, настроенный къ принятію духовнаго впечатлѣнія. Священно-инокъ взглянулъ на небо, на солнце, на лугъ, на блистающія капли росы — и внезапно открылось предъ очами души объясненіе величайшаго изъ таинствъ христіанскихъ, то объ-

*) На этомъ мѣстѣ впослѣдствіи выстроена церковь во имя святого Григорія Богослова.

ясненіе, каковымъ можетъ объясниться непостижимое и необъяснимое, объясненіе живымъ подобіемъ, картиною живописною, которая была предъ его глазами.

Какъ будто сказалъ ему кто: «вотъ! — солнце всецѣло изображается въ каждой смиренной, но чистой каплѣ росы: такъ и Христосъ, въ каждой христіанской православной церкви, всецѣло присутствуетъ и предлагается на священной трапезѣ. Онъ сообщаетъ свѣтъ и жизнь причастникамъ своимъ, которые, пріобщившись Божественному Свѣту и Животу, сами дѣлаются свѣтомъ и жизнію: такъ капли росы, принявъ въ себя лучи солнца, начинаютъ сами испускать лучи, подобные лучамъ солнечнымъ. Если вещественное и тлѣнное солнце, созданіе Создателя, стоившее Ему, чтобъ придти въ бытіе, одного безтруднаго мановенія Его воли, можетъ въ одно и тоже время изобразиться въ безчисленныхъ капляхъ воды: почему-же Самому Создателю, всемогущему и вездѣсущему, не присутствовать всецѣло въ одно и то-же время Своею Пресвятою Плотію и Кровію, соединеннымъ съ ними Божествомъ, въ безчисленныхъ храмахъ, гдѣ по Его велѣнію и установленію призывается на хлѣбъ и вино вседѣтельный, всесвятый Духъ для совершенія величайшаго, спасительнѣйшаго, непостижимѣйшаго таинства?..

Неся въ нѣдрахъ глубокое и сильное духовное впечатлѣніе, возвратился служитель Тайны въ келлію. Впечатлѣніе осталось жить въ душѣ его. Прошли мѣсяцы, прошли годы, оно такъ же живо, какъ и въ день первоначальнаго ощущенія. Раздѣляя съ ближнимъ пользу и назиданіе, теперь, послѣ многихъ лѣтъ, изображаю его словомъ и перомъ. Скудное изображеніе! Перо и слово слабы для полнаго и точнаго изображенія духовныхъ тайнозрѣній.

Священное тайнозрѣніе! священное видѣніе ума! съ какою неожиданною внезапностію ты являешься въ живописной, разительной картинѣ предъ умомъ, приготовленнымъ къ видѣнію таинъ покаяніемъ и внимательною, уединенною молитвою! Какъ сообщаемое тобою знаніе сильно, ясно, живо! Какого исполнено неоспоримаго, непостижимаго убѣжденія! Ты независимо отъ человѣковъ: приходишь къ тому, кого избираешь, или кому посылаешься. Напрасно человѣкъ захотѣлъ бы проникнуть въ духовныя тайны самъ собою, однимъ собственнымъ усиліемъ! Онъ будетъ только слабымъ мечтателемъ, блуждающимъ ощупью во мракѣ самообольщенія, не чувствуя и не сообщая ни свѣта, ни жизни. Какъ цѣпи звучатъ на рукахъ и ногахъ невольника: такъ въ мысляхъ и словахъ мечтателя услышится отголосокъ насилія, поддѣлки, принужденности, рабства и мерзости грѣховной. Путь къ духовному тайнозрѣнію — постоянное пребываніе въ покаяніи, въ плачѣ и слезахъ о грѣховности своей. Плачъ и слезы — тотъ коллурій, которымъ врачуются душевныя очи (Апок. III, 18).

Сергіева пустыня, 1846-го года.